

*Посвящается Анне;
пусть ты найдешь все потерянные
и украденные кусочки*

Первая нить

Шторм был подарком от норн, но человек об этом не знал.

Ветер, дующий с запада — трепет дыхания трех сестер, прядущих нити судьбы, — гнал волну за волной. Уносил промысловую лодку прочь от всякой надежды на твердую землю. Сбившись с курса на фьорды у дома, судно вертелось волчком в непрерывном бурлении океана. Незыблемое побережье Норвегии потерялось в зловещих линиях шквала, расчертивших все небо, налившееся чернотой. Голод моря зиял, как разверстая пасть. Человек понимал: это конец.

Он крикнул напарнику, чтобы тот развернул судно по ветру. Но взметнувшиеся перекрестные волны — кошмар всех матросов и рыбаков — прокатились по палубе и отбросили его к борту. Яростной вспышкой сверкнула молния и вонзилась в бушующий океан, подняв две массивные стены воды по обеим сторонам лодки. Побелевшими от напряжения пальцами два рыбака вцепились в бортовой леер. В свободном падении тяжелое судно сделалось невесомым. Руки разжались, и человека подбросило в воздух. Траулер тяжело рухнул в долину между ярящимися волнами. С оглушительным ревом голодного зверя море обрушилось на добычу. Ударившись о накренившуюся палубу, человек начал соскальзывать в бурлящий холод.

Он пытался за что-то ухватиться, но тщетно. Боги распорядились по-своему. Тяжесть воды утянула его в глубину, словно к ногам был привязан якорь. Он задерживал

дыхание, сколько мог, но страх обернулся слепящей паникой. Человек судорожно забился в толще воды, борясь с чудовищной силой, тянущей его вниз. Море жадно глотало его отчаянные молитвы.

Однако боги в тот день оказались весьма переменчивы; вода закружила его обмякшее, вялое тело и вытолкнула на поверхность. Море выплюнуло его, как кусок тухлого мяса.

Его выбросило на какой-то берег, и он долго лежал без сознания на мелководье, кверху брюхом. Совсем один. Холодный прибой омывал его ноги, но он не чувствовал прикосновения этих мокрых ледяных пальцев. Когда начался прилив, волны перевернули его на бок, наполнили рот солью. Кашляя и отплевываясь, он кое-как поднялся на четвереньки. Его вырвало горькой водой, а потом еще раз. Он выполз из волн и упал на песок.

Голос вырвал его из сна. Женщина пела песню на неизвестном ему языке, протяжном и мелодичном. Эти звуки, исполненные печали, почему-то пробуждали неясную тоску по далеким, неведомым странам и прекрасной, манящей любви, голос как будто ласкал его кожу. Он подумал: *Я сплю? Это сон?* Он открыл глаза, и свет на мгновение его ослепил. Серебристо-белые отблески — словно стайка бабочек, трепещущих в воздухе на рассвете, — привели его в чувство. Над ним высилось ясное синее небо. *Где я?*

Его мутило, он был весь разбит, как после ночи неумеренных возлияний. Он попытался припомнить, как здесь оказался — на морском берегу где-то на краю света, как ему представлялось, — но таинственный голос не давал ему сосредоточиться. Песня разливалась в пространстве, омывала его и захлестывала с головой, даже не замечая его присутствия, ветром летела над влажным песком и плескалась в волнах прибоя, в хлопьях белой жемчужной пены. Лихорадочно шаря глазами по пляжу, он почти ждал, что сейчас из песчаных дюн выйдет какое-то

нездешнее существо. Он слышал о них: полуженщины-полуптицы, чьи сладкозвучные песни завораживают моряков и манят к смерти, соблазняя их выбрать холодную водяную могилу вместо пустой и унылой жизни в неизбывной тоске по чарующим голосам дочерей моря.

Никто не вышел из дюн. Никакая морская дева не шла по волнам, маня его в воду. Ее присутствие проявилось посредством вкуса, внезапно взорвавшегося во рту. Сладость с привкусом соли — не морской соли, а пряного сока ягод — забродивших и теплых, мягких и влажных. Морошки? Да, может быть. Но он не был уверен. Однако вкус ощущался настолько явственно, что он невольно прижал руку ко рту, провел языком по зубам.

И тогда он увидел ее. Она сидела на прибрежном камне, сама словно остров на отмели. Сквозь покрывало, сплетенное из рыжих водорослей, смутно виднелась молочно-белая кожа. Он даже не сразу сообразил, что это были не водоросли, а волосы, такие длинные и густые, что они покрывали ее целиком, оставляя на виду лишь босые ступни.

Он не шевелился. Она продолжала петь, опустив руки в воду. Вынимая из моря ракушки, камушки и веточки водорослей, она раскладывала их на камне. Тут же, на камне, лежала ее одежда. Должно быть, сушилась, подумал он.

Он бесшумно поднялся на ноги и неуверенно шагнул вперед.

Она медленно обернулась, словно почувствовав его присутствие; он бросился к ней.

Последняя нота ее оборвавшейся песни разнеслась эхом по ветру. Он крепко вцепился в ее плотный серый плащ.

Помощь пришла еще до того, как солнце поднялось к зениту. Через считанные минуты после того, как ее руки подняли его из воды, как его руки сомкнулись в объяти-

ях. Она приняла его без единого слова, ее песня растаяла в плеске прибоя. Она безмолвно легла на спину, ее волосы разметались и свесились по краям камня. Сложенный ею узор из ракушек и других даров моря раскрылся на острые кусочки под их телами.

Ее тело открылось ему навстречу, как белый цветок в пряно-сладкой росе, и приняло его так легко и так нежно. Там, на отмели на краю света, среди невидимых морских созданий, он шептал имена богов, зарывшись лицом в ее медные волосы. Волны качали его и подталкивали еще ближе и ближе к ней, и каждый толчок связывал их еще крепче. Кусочки разрушенного узора ушли в глубину и затерялись в волнах.

Что было

Повитуха вытащила из нее крохотное синеватое тельце.

Дитя, идеально вместившееся в старческую ладонь, билось, как рыбка, но не издавало ни звука. Молотило крошечными ручонками, тянуло их вверх, в большой мир; кожистые перепонки между пальчиками на руках и ногах казались прозрачными в свете масляной лампы.

— Ох... *Gud i himmelen...*¹ дитя-то в «рубашке».

Старуха шумно втянула воздух и приподняла ребенка на вытянутой руке, чтобы мать поглядела на свое дитя. По ногам Маевы, обмякшей на родильном стуле, прошла крупная дрожь. Ей хотелось прилечь, но повитуха заставила ее смотреть. Дитя, отливающее синевой, корчилось у нее на руках. Сморщенное личико было скрыто под второй кожей, неразорвавшейся оболочкой.

— Стало быть, о тебе говорят правду, — сказала старуха Маеве. — Благодарю Бога, что ты замужем за рыбаком, *jente*². — Покачав головой, она положила новорожденное дитя на край кровати и принялась растирать его, чтобы согреть. Пуповина между матерью и ребенком все еще подрагивала и пульсировала.

Жена рыбака неуклюже перевалилась на соломенный матрас. Она знала это поверье — «рубашка» считается оберегом, который не даст моряку утонуть, — но оно ее

---

¹ Боже на небесах (*норв.*).

² Девочка (*норв.*).

не утешало. Рождение ребенка столь странной наружности наверняка будет принято за дурной знак. Особенно в Оркене, глухой рыбацкой деревне.

Маева заранее знала, что должно произойти, и теперь все ее страхи лежали рядом, воплощенные в этом ребенке. Она дышала запахом собственных внутренностей: кровь, испражнения, рвота. Запахом женского тела, густым и землистым. Аромат можжевельных веток, горящих в камине, чтобы отвести злых духов, не заглушал идущего от нее смрада. Внезапно все тело скрутило судорогой. Корчась от боли, Маева перевернулась на спину.

У меня будет двойня?

Повитуха деловито цокнула языком и положила ребенка Маеве на грудь. Накрыла его чистой тряпицей размером не больше кухонного полотенца.

Пока старуха возилась с трепыхающимся ребенком, Маева чувствовала, как внизу живота что-то тянет и дергает, пуповина — толстая, как канат, — продолжала пульсировать. Приподняв голову, Маева посмотрела на эту крошечную зверюшку. Ее руки двигались медленно, как в толще воды. Словно преодолевая некое невидимое сопротивление. Руки замерли в нескольких дюймах от тельца ребенка, нерешительные, неуверенные. Скованные страхом.

Ты будешь жить?

Хельга вытерла руки о передник, напевая ребенку древнюю норвежскую колыбельную. Простенькая мелодия успокоила и Маеву. Она положила руки на раздутый живот, так и не прикоснувшись к младенцу. Вымазанной в крови рукой повитуха взяла нож, а другой приподняла головку ребенка. Ее узловатые пальцы сработали ловко и споро: два быстрых взмаха ножа, и личико новорожденного освободилось от оболочки.

Крошечные ноздри раздулись, наполнившись воздухом.

Хвала богам. Маева выдохнула, даже не осознавая, что до этого не дышала.

Хельга выгнула бровь:

— Правильно. Дышите. Вы обе.

Она дождалась, когда пуповина перестанет пульсировать, и перерезала ее одним быстрым движением. Дитя окончательно отделилось от матери.

Маева с удивлением поняла, что не чувствует вообще ничего. Мост, соединявший две жизни, внезапно сделался лишним, ненужным. Ребенок, теперь совершенно отдельное существо, перестал быть частичкой ее самой.

Хельга отодвинула в сторону родильный стул и положила дитя в колыбель.

На Маеву накатила волна тошноты. Она закрыла глаза. Попыталась не шевелиться. Ощутила, как две руки нажимают ей на живот, как повитуха давит на нее всем своим весом. Ее утроба отозвалась протестующей болью. Маева поморщилась, застонала и в панике распахнула глаза. *Сейчас я умру?* Старуха давила резкими рывками, и это было невыносимо. Под конец повитуха навалилась так сильно, что ее ноги на миг оторвались от пола. Все внутри содрогнулось, и что-то вязкое, скользкое, плотное выплеснулось наружу. Послед вышел, и боль наконец отпустила.

Это были долгие, трудные роды. Первые схватки, когда Маева упала от боли, случились неделю назад; два дня назад она отправила мужа в горную хижину на перевале, чтобы он позвал Хельгу Тормундсдоттер. Когда старуха пришла под покровом ночи, Маева стонала, обливаясь потом, и сыпала проклятиями. В эти мгновения сумерки, как облако пыли, опустились на двух изможденных женщин. Вечер был тихим, ветер унялся, превратившись в едва слышный шепот в траве вокруг дома. Лишь волчий вой вдалеке иногда дрожал эхом в долине под горой. На фоне высокого неба, залитого светом северного сияния, Оркенская гора являла собой зрелище поистине впечатляющее.

Устрашающий великан. Но сейчас эта глыба из камня как будто спала. Невинная, как младенец.

Хельга указала на окно:

— Рановато еще для такого свечения над фьордом.

Маева не сказала ни слова, но она знала, о чем тревожится старая повитуха. Почти слышала ее мысли. *Небесные плясуны: призраки мертвых. Пришли по души живых.*

Старуха что-то тихонечко напевала себе под нос, не обращая внимания на волчий вой, доносившийся снаружи, но от этих жутких звуков волоски на затылке Маевы вставали дыбом, ее била дрожь. Хельга прибавила света в масляной лампе. Наклонилась поближе, пристально изучая плаценту между ног новоиспеченной матери.

Маева приподняла голову, чтобы посмотреть, что там такое. Кровь и слизь. Сгусток плоти, но все же не второй ребенок. *Takk!*, *Фрейя*. Она вновь уронила голову на матрас.

Хельга шумно принюхалась и кивнула:

— Хороший, здоровый послед.

Не сегодня, небесные плясуны. Маева мысленно вознесла благодарственную молитву, ее тревога слегка улеглась.

Она наблюдала со сдержанным любопытством, как повитуха собирает в ведро все, что вытолкнуло из себя ее тело, и осеняет ведро крестным знаменем. При этом Хельга что-то пробормотала себе под нос, и Маева призадумалась. *Ты тоже боишься меня, как все остальные в этой деревне?*

— Послед можно закопать в землю... или сжечь. Или сварить из него похлебку. Или высушить и смолоть в порошок для заварки. Тебе будет полезно.

Маева покачала головой, не в силах скрыть отвращения.

---

¹ Спасибо (норв.).

Старуха пожала плечами и вновь занялась ребенком. Осмотрела со всех сторон, долго разглядывала перепонки, раздвигая крошечные пальчики. Хорошенько растерла младенцу ручки и ножки, чтобы разогнать кровь, но си-нева не сошла. Повитуха нахмурилась. Маева молча смотрела, как Хельга щипает за перепонки. Сначала пальцами, потом ногтями. Ребенок не издал ни звука. Кажется, ему было не больно. Он поднял крошечную синюю ножку, будто красуясь перед старухой, и растопырил перепончатые пальчики, круглые, как обкатанные морем камешки. Хельга улыбнулась, но Маева заметила, что улыбка далась ей с трудом. Младенец с довольным видом закрыл глаза. Не спросив разрешения — даже не взглянув на мать ребенка, — Хельга вынула из кармана передника ножницы, крепко зажала крошечную ножку в одной руке и принялась аккуратно срезать перепонки.

Маева вся напряглась, но не стала мешать. *Может быть, если срезать их сразу...*

Младенец зевнул.

— Стало быть, вот такое вхождение в мир, — задумчиво проговорила Хельга, обращаясь к младенцу, словно тот понимал каждое слово. Он протянул к ней крошечные ручонки.

Маеве на глаза навернулись слезы. *На много недель раньше срока, перепонки на пальцах, руки синие по локоть, ноги синие по колено, в оболочке из кожи...*

— И почти ни единого звука. Даже когда тебя режут. — Срезав последнюю перепонку, Хельга убрала ножницы в карман. — Тишайшее дитя. Благодарю Бога за эту малую милость. — Она опять положила младенца Маеве на грудь, укрыла обоих теплым одеялом, тут же откинула его нижнюю половину и раздвинула Маеве ноги.

Маева стойко терпела, пока пальцы старухи обстоятельно шарили в ее теле. Кажется, из нее вытекло еще немного крови. Она свесилась с кровати над ведром, уже наполовину заполненным рвотой, и закрыла глаза. Даже